ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СССР

СТРАШНОЕ ДЕЛО

Приангарье в августе 1991 года

ИСТОРИЯ СССР началась государственным переворотом и государственным переворотом закончилась. Точнее, попыткой переворота в августе 1991 года. Ровно пятнадцать лет минуло с тех пор, как страна, рожденная революцией, осудила действия так называемого Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению. Как в те дни развивались события в Приангарье? Предлагаем вашему вниманию воспоминания первого губернатора Иркутской области Юрия НОЖИКОВА, в то время председателя облисполкома, из его книги «Я это видел...».

19 АВГУСТА, утром, я вел какое-то совещание. Заглядывает Матиенко, зав. орготделом:

— Юрий Абрамович, там по радио передают — чрезвычайное положение...

Я отмахнулся:

— Володя, не мешай, у меня совещание.

Матиенко молодой, был секретарем обкома комсомола, но парень самостоятельный и крепкий. Я взял его в исполком.

Прошла минута-другая, он опять заглядывает:

— Юрий Абрамович, снова передают, страшное дело...

Тут я забеспокоился, сказал «извините», прервал совещание. Пошел слушать радио: что там такое происходит? Слушаю – волосы дыбом встают. Открытое противостояние, гражданская война катится...

Быстро возвращаюсь в кабинет, говорю – тут серьезные дела, закрываем совещание. Звоню в Москву, в приемную Ельцина. Отвечают: президент едет на работу. Звоню Силаеву, предсовмина России. Отвечают: ушел к президенту. Звоню Руцкому, тогда – вице-президенту. Отвечают: ушел к президенту. Ничего себе! Все ушли к президенту, а он едет на работу. Не знал, что ли, не предполагал, что происходит? Доедет?

Информации никакой, думаю, что делать. А тут на полную катушку по телевидению выступает ГКЧП, в перерывах – «Лебединое озеро». Осмысливаю ситуацию. Должны были подписывать союзный договор, столько о нем твердили, а Горбачев в Форосе отдыхает. А тут ГКЧП с этим лидером Янаевым, у которого руки трясутся... Все это выглядит несерьезным и одновременно очень опасным.

Что делать? С кем советоваться? Выжидать для меня неприемлемо. Раз население меня выбрало, поставило во главе области, я должен занять позицию, иметь свою точку зрения и объявить ее. Понравится она населению или не понравится — другой вопрос. Но я должен ее иметь и высказать. Иначе я не по праву занимаю свое кресло.

Я привык к этому. Всю жизнь был первым руководителем – начальником монтажного управления, управляющим трестом, начальником «Братскгэсстроя». На производстве первый руководитель обязан был иметь свою обдуманную точку зрения и предъявить ее другим, убедить их. Я всегда говорил своим сотрудникам: не убеждены в чем-то сами – не пробуйте убедить других, ничего не получится. Решение нельзя откладывать – от тебя его ждут, на тебя смотрят, спрятаться не за кого, ты – первый. В партийных комитетах было по-другому – там следовали указаниям, самостоятельности было мало. Я застал еще нескольких сильных первых секретарей – Федирко в Красноярске, Банникова в Иркутске, Модогоева в Бурятии, Черного в Хабаровске. Я не говорю о том, хороши они были или плохи, но личности – незаурядные. Сталин ведь тоже был незаурядной личностью... Я мог представить, как повел бы себя в этой ситуации Банников, – он бы выступил в открытую. Но такие как-то сразу все ушли, явился народ помельче. Брежнев болел, ничего не решал, информации ему не давали. Все решали чиновники. Чиновник не несет ответственности за общие задачи, он видит свою частную, остальное за пределами его интересов. Все время говорили: кадры решают все. Но как раз кадры и упустили. В идеологии не позволялось иметь свою точку зрения, это не поощрялось. В хозяйственной сфере допускалось собственное мнение, без него не обойтись: та же партия тебя спрашивает, когда смонтируешь турбину... Я в политику не лез, а в своих делах имел точку зрения, позицию и открыто ее высказывал.

...Для себя решил: ГКЧП не принимать, поддерживать президента России. Это ГКЧП несерьезно и бесперспективно. Вся страна бурлит, требует перемен, а ее хотят загнать назад. Не видел силы, личностей в этом ГКЧП. Главная сила — комитет госбезопасности, он всех в страхе держал. Язов, министр обороны, конечно, профессиональный военный, но не политик. Как говорится, «слуга царю, отец солдатам». Чистопородный служака. Ему сказали, уговорили – пошел. А закоперщик всего этого дела – КГБ.

К обеду я все-таки прорвался по телефону в канцелярию Ельцина. Оттуда уже по факсу, по телетайпу передавали его обращение, первые указы. Связь у нас шла через городскую телефонную станцию. Правительственная – в руках КГБ, телевидение заблокировано, радио тоже. Был ленинский опыт. Он требовал: захватить почту, телеграф, телефон, потом – банки... Но телефонную станцию почему-то упустили – то ли не сумели заблокировать, то ли забыли, то ли еще что.

Я принял решение и начал консультироваться с ближайшими помощниками. Они – в растерянности. Единственный, кто мне что-то сказал, это обкомовец Круликовский: «Юрий Абрамович, это несерьезно, через три дня кончится...»

Собираю исполком, всех поголовно – двадцать пять человек. Потом, при единоличном губернаторском правлении, я бы мог все решить сам. А тут надо решать коллективно. Говорю: положение вам известно, надо решать. Начали обсуждать – горячо, долго, информация у всех – минимальная. Смотрю: так может продолжаться бесконечно. Говорю: все, хватит обсуждать, будем принимать решение. Я сам его набросал, суть такая: считать действия ГКЧП незаконными, неконституционными, немедленно созвать съезд народных депутатов СССР и России и ожидать приезда президента Советского Союза... Кто за такое решение, прошу голосовать. И первый поднимаю руку. Оглядываю левую сторону – замов и членов исполкома, правую. Молчат. Потом медленно стали поднимать руки. Я предупредил: имейте в виду, последствия этого решения могут быть для нас очень жестокими... Все – «за», «против» – трое: Игнатов, еще кто-то, сейчас не помню. Игнатов хоть был мой первый зам., но партийный работник.

Я был очень рад такому решению. АИСТ взял у меня и у Спирина интервью. Те, кто брал, сказали: передадим полностью, но больше нас не ищите, уходим. Я не обратил на эти слова внимания, потом понял.

Информация из канцелярии Ельцина по факсу продолжает поступать. К десяти вечера я собрал некоторые указы, думаю, как передать в эфир.

Звоню на телевидение Комарову, другим. Никого нигде нет – ни дома, ни на работе, ни на даче, — все скрылись. Звоню на радио – то же самое. Наконец нашел на радио какую-то женщину. Объяснил ей все, говорю: я сейчас напишу распоряжение, чтобы вам не отвечать, а вы по этому распоряжению передайте указы. Она согласилась. Через полчаса звонит, говорит: извините, Юрий Абрамович, я не могу передать. Я понял: испугалась. Я не стал на нее давить, это дело добровольное. Нашли Гошкива, начальника радиотелецентра, он согласился дать эфир, но говорит: у меня нет диктора. Я говорю: пришлем диктора. У меня в приемной полно сочувствующих демократов. Я вышел к ним, спрашиваю: кто может быть диктором? Одна женщина вызвалась. Попробовали – ничего, годится. Она поехала. Через какое-то время звонит: Юрий Абрамович, я прочитала, что дальше делать? Я говорю: читайте второй раз. Прочитала, снова звонит. Я говорю: все, езжайте спать. Уже двенадцать ночи было.

Я тоже поехал спать. Звонит домой Ващенко (Шестак в это время отсутствовал), спрашивает: что значит это чтение по радио? Я говорю: обязан обнародовать указы президента России. Он говорит: «Хорошо», – и положил трубку.

На следующий день, с утра, я начал расширять свою программу. Конечно, рисковал, но выхода не было. Сидеть смирно, не дышать – население поймет, что председатель выжидает. Принять ГКЧП я не мог. Бросить все, уйти в отставку, сказать: боритесь, как хотите, сами – тоже не годится. В общем, куда ни кинь – всюду клин. В такой ситуации надо поступать по совести, по убеждению. Пропадешь – так хоть будешь знать, за что. Тем более, я все-таки предполагал, что ГКЧП успеха иметь не будет.

Пригласил по очереди областного прокурора, начальника УВД, начальника КГБ, представителей армии. И потребовал от них признания президента России как главы государства.

КГБ ответило, что подчиняется своему руководству в Москве (а это руководство сидело в ГКЧП) и других решений принимать не может. С УВД и прокуратурой с формальной стороны было легче. В России был свой министр внутренних дел и генеральный прокурор. УВД полностью признало президента, прокуратура, хотя с некоторыми оговорками, но тоже. Представители армии прямо сказали: у нас есть министр обороны, мы подчиняемся его приказам. Звучит убедительно.

Чтобы не спорить с армией, а воздействовать на нее я никак не мог, я решил с ней говорить по-иному, подойти с другой стороны. Ко мне пришли три генерала во главе с зам. командующего округом и настоятельно просили занять нейтральную позицию. Я им говорю: вот вы, вы все же генералы, вы не можете не сказать солдатам в решающую минуту, за что воюете. Вы не можете стоять в стороне, занимать выжидательную позицию, а они пусть воюют неизвестно за что. И для меня это неприемлемо. Я от вас ничего не требую, прошу ответить прямо только на один вопрос. Будет ли армия вмешиваться в гражданские конфликты на территории Иркутской области? Предупреждаю: любой ваш ответ будет сразу передан населению через средства массовой информации. Они сказали: нет, Юрий Абрамович, армия ни в коем случае не будет вмешиваться в гражданские конфликты на территории Иркутской области.

Мы пожали друг другу руки и расстались. Все, больше мне ничего от них не надо было. На следующий день ответ генералов и их фамилии были опубликованы.

На этом мои переговоры закончились. Дальше – встреча с областным Советом, нам нужно принимать какое-то общее решение.

Собрался президиум Совета и исполком, пригласили силовиков. Разговор тот же, что и накануне у меня в кабинете: кто за кого, какую позицию занимает. Но расклад уже получился немного другим. Прокуратура и УВД подтверждают свою приверженность президенту, КГБ никто не трогает, боятся, нападают на армию. Я говорю: оставьте армию в покое, у нее своя дисциплина, руководство ЗабВО и иркутского гарнизона дало слово, что вмешиваться в гражданские конфликты не будет. А главным организатором этого незаконного путча я считаю комитет государственной безопасности. Несколько депутатов – в его защиту. Я настаиваю на своем: главный виновник – КГБ. Принимаем решение, в котором есть пункт об этом комитете, о неконституционности его действий.

Ладно, приняли решение, разошлись. Оформляют его, приносят мне на подпись. Смотрю – все на месте, а этого пункта по КГБ нет. Где-то по дороге потеряли. Я говорю: мы принимали другое решение, несите его. Ушли, опять приносят. Что-то там про КГБ есть, но вскользь, обтекаемо: конечно, но... Я хотел и это отослать, пусть переделывают. Но Курин говорит: Юрий Абрамович, не майтесь, все боятся КГБ, никто этого пункта не впишет. Я махнул рукой – черт с вами – и подписал.

Иркутск бурлит. У Дворца спорта митинг, санкционированный Говориным, – против ГКЧП и в поддержку Ельцина. Из Москвы информация по-прежнему слабая и противоречивая. Самое главное – никак не можем прорваться на телевидение. И тут приходят связисты и говорят: у нас есть выход на телевидение, можем его дать. Это меня вдохновило. Не потому, что появилась возможность получить канал. Эти люди – из стратегической связи, у них свои источники информации. Раз к нам пришли – значит, у ГКЧП что-то не ладится, есть трещина...

Однако тут же, в полдень, приходит телеграмма от этого ГКЧП: требуют создать такой же орган в Иркутске, местный. Они эти телеграммы по всей стране разослали. Прямо отказались это сделать и выступили против ГКЧП, насколько я знаю, две области – Иркутск и Свердловск, родина Ельцина. Ну, ладно. Телеграмма эта стала последней точкой. Сидел-сидел, думал-думал, иду к Платонову Льву Анатольевичу, своему первому заму. Очень порядочный человек. Говорю: Лев Анатольевич, вот пришла телеграмма, но я ничего такого организовывать не буду. Возможно, к концу дня отстранят, готовься принимать власть и создавать это самое ГКЧП. Там у него еще Сюткин сидел, Борис Иванович, тоже мой заместитель. Он говорит: Юрий Абрамович, мы вместе с вами голосовали за решение в поддержку президента, мы принимать у вас власть не будем и ничего создавать не будем. Если вас снимут – вместе с вами уйдем в отставку.

Эта поддержка меня обрадовала. Звоню Янаеву, чтобы сообщить, что никакого ГКЧП в Иркутске не будет. Дозвонился, говорят: уехал на Лубянку. Звоню на Лубянку, говорят: они уехали в ЦК. Звоню туда, тоже нет: все куда-то уехали...

Чуть позже звонит из Москвы Ельцин. Он знает, что у нас делается, говорит: держитесь, все будет в порядке. Но напряжение не спадает, все как на весах: туда-сюда, вверх-вниз. Самое страшное – утро 21 августа. То ли обойдется, то ли за мной явятся... Телеграмма эта, Янаева, надо мной, как топор, висит.

В приемной толпятся демократы, никуда не уходят. Подступают ко мне: Юрий Абрамович, мы хотим организовать защиту исполкома. Вроде как у Белого дома. Демократам иногда нужна стычка. Правда, реже, чем коммунистам. Тем нужен постоянный бой. Я говорю: вы понимаете, что говорите? Посмотрите на вещи реально. Вы безоружные. Явятся омоновцы – вас просто на улицу вытолкают. В лучшем случае. Оставьте эту затею. Иофин, их лидер, говорит: мы так решили, мы с вами не согласны...

Поговорили – разошлись. Ладно, думаю, ничего не будет. У демократов так: поговорят, а до дела не всегда доходит...

Но через какое-то время прибегает ко мне возмущенный Игнатов. Я уже говорил о нем: мой зам из комсомольско-партийных работников, он голосовал против нашего решения в поддержку Ельцина. Игнатов кипит: что творится, что за безобразие происходит! Разъезжает по городу машина с рупорами, призывает: идите на защиту «серого дома» и председателя исполкома. Собираться к семи вечера...

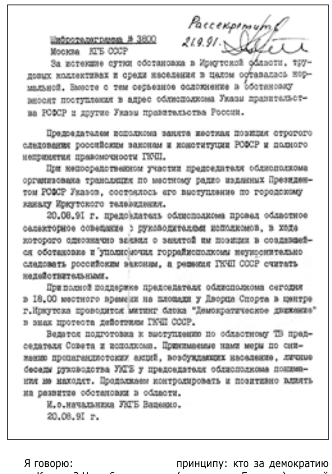
Ну, елки, думаю, они все-таки это сделали! Теперь не остановишь. Но в четыре часа прорывается телевидение – выступает Ельцин. Зову всех в приемную, к телевизору. Стульев не хватает, сидят на полу. И тут мне говорят: собирается колонна студентов из политехнического, хотят идти к «серому дому» на вашу защиту. Только этого не хватало! Они же пойдут через весь город, наколобродят обязательно, побьют стекла – народ вольный...

Выхожу из «серого дома», чтобы ехать к ним, остановить. А тут толпа, подхватывают меня, начинают качать.

Освободился, еду в политехнический. Там в актовом зале битком набито – концерт одной рок-звезды. Наверное, после него и собирались идти к «серому дому». Прохожу, смотрю, слушаю. Видно, узнали, объявляют: к нам приехал председатель облисполкома Ножиков, он расскажет про обстановку. Встают, приветствуют меня. Я коротко рассказал, что к чему, сказал, что защищать ничего уже не надо. Они реагируют шумно, кричат «ура!» – народ молодой, эмоциональный, для них это все – вроде интересной игры... На том и закончилось.

На следующий день вскрыли документы КГБ, подняли их сообщения. И в руки мне попала телеграмма из нашего областного управления, с улицы Литвинова, в Москву. Читаю, думаю: ни черта себе! Что бы они со мной сделали, если бы победили... Точно бы упрятали куда-нибудь...

Я, конечно, слышал о доносах, но никогда не видел их. И вот увидел. Этот редкий документ привожу полностью – его не перескажешь. Грамотешка, правда, хромает, но, в общем, все понятно.



Рассекретить 2.9.91.

Шифротелеграмма № 3800
Москва КГБ СССР

За истекшие сутки обстановка в Иркутской области, трудовых коллективах и среди населения в целом оставалась нормальной. Вместе с тем серьезное осложнение в обстановку вносят поступления в адрес облисполкома Указы правительства РСФСР и другие Указы правительства России.

Председателем исполкома занята жесткая позиция строгого следования российским законам и конституции РСФСР и полного неприятия правомочности ГКЧП.

При непосредственном участии председателя облисполкома организована трансляция по местному радио изданных Президентом РСФСР Указов, состоялось его выступление по городскому каналу Иркутского телевидения.

20.08.91 г. председатель облисполкома провел областное селекторное совещание с руководителями исполкомов, в ходе которого однозначно заявил о занятой им позиции в создавшейся обстановке и уполномочил горрайисполкомы неукоснительно следовать российским законам, а решения ГКЧП СССР считать недействительными.

При полной поддержке председателя облисполкома сегодня в 18.00 местного времени на площади у Дворца Спорта в центре г.Иркутска проводится митинг блока "Демократическое движение" в знак протеста действиям ГКЧП СССР.

Ведется подготовка к выступлению по областному ТВ председателя Совета и исполкома. Принимаемые нами меры по снижению пропагандистских акций, возбуждающих население, личные беседы руководства УКГБ у председателя облисполкома понимания не находят. Продолжаем контролировать и позитивно влиять на развитие обстановки в области.

И.о.начальника УКГБ Ващенко.
20.08.91 г.

Такая вот «телеграмма». Я вылетел в Москву, на съезд народных депутатов, и прихватил ее с собой.

В Москве еще дым не рассеялся. Я побыл на съезде и на день отъехал в Иваново, в родные места. В Иваново шли митинги. Вернулся в Москву — там уже висели трехцветные российские флаги.

В Москве я пошел на встречу с Ельциным. Меня интересовали полномочия глав администраций, но не это было главное. Главное – права территории. По природным ресурсам, которыми располагает, по налоговому обложению, по местному законодательству. Из Москвы для всех законы не издашь. На каждой территории – свои условия, свои отношения, свой менталитет населения, свой климат, наконец. Одно дело – Иркутск, другое — Свердловск, третье – Москва, четвертое – Санкт-Петербург и так далее. В центре России, например, я знаю, я там жил, национальный вопрос играет большую роль. В Иркутской области не так. Хотя 90 процентов и записано русскими, полное смешение народов, менталитет совершенно другой. Есть и другие отличия. А всего к президенту у меня было восемь или девять вопросов.

Все это я Ельцину изложил. Он со многим согласился, нашли взаимопонимание. Только в одном вопросе он был против – по антимонопольному комитету. Он говорил: зачем вам в области свой антимонопольный комитет? Вы же его под себя подстроите. Потом я понял, что он был прав. Антимонопольный комитет надо создавать сразу для целого экономического региона, на четыре-пять областей. Например, один для всей Восточной Сибири с Красноярским краем. Чтобы, скажем, отдельные территории не могли помешать перемещению товаров за свои пределы, как теперь бывает. Запретили, к примеру, ввоз или вывоз помидоров или водки – и все.

В конце разговора я показал Ельцину телеграмму нашего КГБ. Он прочитал и спросил:

— Где он сейчас, этот начальник?

Я говорю:

— Как где? На работе.

Он звонит Иваненко, тот недавно стал начальником российского КГБ. И говорит: у тебя в Иркутске такой-то работает. Чтобы завтра его не было.

Я не собирался причинять неприятностей Ващенко. У меня к нему никаких претензий не было. Я его даже уважал по-своему. Он не юлил, не хитрил, как другие, а прямо обозначил свою позицию. Сказал – сделал. Он выполнял свой долг, как его понимал. Он был человеком системы. Была бы другая система – и он был бы другим.

Почему я так резко выступал против ГКЧП? Я видел – там первую скрипку играл комитет госбезопасности. Он хотел стать над властью и над населением. Я считал недопустимым вооруженное вмешательство в процесс перестройки. Это – гражданское дело. Органы госбезопасности нужны любому государству, без них не обойтись. Они должны собирать информацию, анализировать ее и предоставлять правительству. Но дальше никуда не вмешиваться. Это не их дело, они должны знать свое место.

Вот почему я показал телеграмму Ельцину. Дело было не во мне и не в Ващенко. С Ващенко даже лучше было иметь дело, чем с теми, кто точил топор за спиной. Но систему надо перестраивать, чтобы опять не было каких-нибудь переворотов.

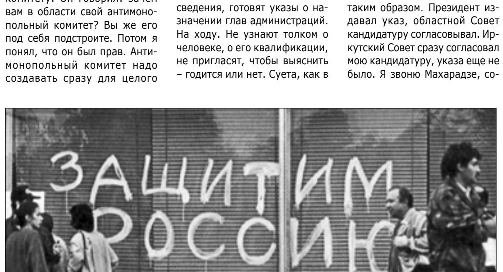
Тем временем в Иркутске происходило низложение обкома партии. Опечатывались кабинеты, сотрудники отправлялись на отдых. Меня в городе не было, я был в Москве. Все производилось по прямому распоряжению президента, а осуществлял исполком и областной Совет.

В Москве – свои дела. Я залетел к Махарадзе, в администрацию президента. Такая большая комната, человек тридцать толкутся. Собирают сведения, готовят указы о назначении глав администраций. На ходу. Не узнают толком о человеке, о его квалификации, не пригласят, чтобы выяснить – годится или нет. Суета, как в Смольном во время революции. Я немного знал Махарадзе, мы вместе с ним и Яровым, председателем Ленинградского исполкома, летали в Японию. Он был директором небольшого завода в Волгограде, потом на перестроечной волне взлетел в председатели областного Совета, оттуда – руководителем администрации президента. Человек умный, деловой, но без стратегического мышления и опыта управления.

Глав администраций назначали по политическому принципу: кто за демократию (точнее – за Ельцина) – давай сюда, кто за коммунистов – давай отсюда. Опять то же, что было вчера. Эти первые шаги демократии произвели на меня не лучшее впечатление. Может, в таких действиях и была необходимость. Шла ожесточенная борьба за власть, с обеих сторон – без всяких правил, непозволительными методами, и надо было как можно скорее расставить по ключевым местам людей, настроенных на реформы. В министерствах, ведомствах, в провинциальном управлении аппарат был консервативный, новых квалифицированных кадров явно не хватало, да и не могло хватать – откуда? Старый аппарат просто так не сдавал позиций. Это в Иркутске власть перешла от обкома к исполкому фактически еще до путча. Но Иркутск – особенный город, это не промышленный центр (промышленность вокруг – в Ангарске, Усолье, Черемхово, Братске), а административно-интеллектуальный. То, что он поднялся против ГКЧП, – не одна моя заслуга, это было и настроение города.

Перетряска шла не только на местном, но и на федеральном уровне, в министры тоже попало немало случайных людей. Были просто смешные назначения. Лопухин стал руководить топливно-энергетическим комплексом, а он – чистый завлаб, об этом деле и понятия не имел. Или Титкин, министр промышленности. Управлял, как говорили наши директора, маленьким заводом где-то в Тульской области. Где же ему такую махину, целую страну обнять? Они и быстро сменились, сгинули – не видно на горизонте. Удачными оказались назначения Гайдара, хотя он молодой был, Чубайса, Шохина – они и теперь остались в политике.

Глав администраций в эту новую должность возводили таким образом. Президент издавал указ, областной Совет кандидатуру согласовывал. Иркутский Совет сразу согласовал мою кандидатуру, указа еще не было. Я звоню Махарадзе, сообщаю об этом. Он: да что вы лезете поперед батьки в пекло! В течение недели указ будет, не дергайтесь. Я говорю: да не рвусь к должности, хоть завтра вернусь в «Братскгэсстрой», мне просто нужна ясность. Не нравлюсь – не надо.

Через несколько дней приходит указ. Я уже говорил, что тогда по-революционному, скопом, сразу многих назначали. И тут на одном листочке – пять фамилий, в том числе и моя.

Так закончился август 1991 года.